

kazano na wystawie. 12 młodych twórców otrzymało nagrody i wyróżnienia. Nagrodę zespołową otrzymało kółko hafciarskie, nagrody indywidualne za hafty: Urszula Holka (l. 21), z Miłoszowa, Barbara Polewska i Barbara Dreing (po lat 15) z Żukowa oraz Roman Hinc (l. 19) z Wdzydz; za plecionki — Irena Brzezińska (l. 16) z Borzestowa i Maria Hinc (l. 21) z Wdzydz; za tabakiery z rogu — Irena Szmytke (l. 16) z Borzestowa; za rzeźby — Mieczysław Cieszyński (l. 21) z Wieprznicy i Bogusław Głodowski (l. 19) z Sulęcina; za obrazki na szkło — Franciszek Sychowski (l. 18) z Wejherowa, Wiesława Zarach (l. 16) i Małgorzata Lewna (l. 15) z Borzestowa oraz Waldemar Nacz (l. 17) z Kielna. Najmłodszy uczestnik konkursu mieli po lat 13 (inf. T.).

27.VI — w Państwowym Muzeum Etnograficznym w Warszawie rozstrzygnięto konkurs na ludowe instrumenty muzyczne z terenu Mazowsza. Organizatorami konkursu byli: Muzeum i Urz. w Warszawie.

28.VI — rozstrzygnięty został konkurs sztuki ludowej zorganizowany przez Dom Kultury w Łasku i Muzeum Regionalne w Pabianicach. W Konkursie udział wzięło 45 twórców ludowych, zgłoszono 642 prace. Jury przyznało nagrody następujące: w dziedzinie tkactwa — Władysław Dobroszek, wieś Róża; w dziedzinie kowalstwa artystycznego — Edwardowi Krzysztofakowi, Wola Marzeńska; w dziedzinie rzeźby — Stanisławowi Krzyżañskiemu, Zawady; w dziedzinie zdobnictwa — Wandzie Gawel, Dobroń; w zakresie przedmiotów obrzędowych — Józefie Pluta, Bychlew; w dziedzinie haftu — wyróżnienie otrzymała Anna Dłużyńska, Wola Marzeńska. Ponadto przyznano 9 nagród II i 11 nagród III. Nagrody ufundowali: MKiS, Urz. Woj. w Łodzi, Urz. Pow. w Łasku, Cepelie, w Łodzi.

VI — w ramach cyklu wystaw pn. „Krajobrazy sztuki ludowej

w Polsce” organizowanych przez Muzeum Pomorza Środkowego w Słupsku otwarto w Zamku Książąt Pomorskich wystawę: „Podlaskie dywany dwuosnowowe”, uprzednio prezentowaną we wszystkich większych ośrodkach w kraju oraz w Kownie i Meiningen (NRD).

Polska sztuka ludowa za granicą

10—20.IV — w Ośrodku Informacji i Kultury Polskiej w Budapeszcie czynna była wystawa gobelinów, kilimów i tkanin Sp. im. St. Wyspiańskiego z Krakowa. W czasie wystawy zorganizowano kiermasz wyrobów ludowych.

18.V — w Opawie (CSRS) otwarta została wystawa rzeźby w węgłu i malarstwa amatorów, zorganizowana w ramach umowy o wzajemnej współpracy przez Muzeum Górnośląskie w Bytomiu i Śląskie Muzeum w Opawie.

Na wystawie zaprezentowano 86 obrazów i 72 rzeźby w węgłu. Uroczystego otwarcia w obecności władz czeskich dokonał dyrektor Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu mgr Józef Kowalewski.

V — w Szwecji odbyły się „Dni Polskie”, w których uczestniczył Zespół Pieśni i Tańca „Podhale” z Nowego Targu. Podczas pobytu w Szwecji Zespół dał 26 występów w 15 miastach, przyjmowany wszędzie z ogromnym aplauzem.

22—28.VI — w Ośrodku Informacji i Kultury PRL w Berlinie czynna była wystawa amatorskiej twórczości „Ludzi Morza”, przygotowana przez Morski Ośrodek Kultury w Szczecinie. Autorzy, w większości marynarze i rybacy — przedstawili prace z zakresu rzeźby, malarstwa, grafiki, metaloplastyki i pamiątkarstwa.

Inne

24.V — we Włocławku, z okazji 30-lecia „Chłopskiej Drogi” odbyło się uroczyste wręczenie nagród im. Jana Pocka za rok 1975. W tym roku na-

grody otrzymali: Franciszek Beciński, poeta z Pomorza, Maria Cedro — poetka z Kieleckiego, Wanda Czubernat — poetka i działaczka z Podhala, Władysław Makowski — kowal z Krakowskiego, Józef Matek — poeta, współtwórca kabaretu ludowego „Rzep” z Lubelszczyzny i Jan Holubowski — muzykant ludowy z Warmii i Mazur.

3.IV — na Zamku Królewskim w Warszawie otwarta została wielka sukcesja dzieł sztuki ludowej pod hasłem „Najpiękniejsze dzieła sztuki ludowej na odbudowę Zamku Królewskiego”. Impreza zorganizowana została przez redakcję „Gromady — Rolnika Polskiego”, Cepelie i Stowarzyszenie Twórców Ludowych. Przygotowania trwały kilka miesięcy, w czasie których napływały niustająco dary od twórców ludowych z całego kraju. W sumie nadesłano ponad 3.000 prac od ok. 700 autorów. Wśród nadesłanych przedmiotów obok cennych dzieł współczesnej sztuki ludowej znalazło się wiele robótek ręcznych i prac amatorskich reprezentujących bardzo różny poziom.

VI — w skansenie w Bierkovicach odbyło się spotkanie — biesiada opolskiego Oddziału STL. Poza prelekcją i dyskusją na temat pomocy państwa dla twórców ludowych odbył się program artystyczny zaimprovizowany przez uczestników zebrania.

VI — Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza rozpoczęła fundowanie własnych dorocznych nagród.

Jury — pod przewodnictwem Józefa Ozgi Michalskiego — przyznało je za rok 1974 m.in. prof. dr Józefowi Burszcie — za książkę *Kultura ludowa — kultura narodowa*.

Redakcja „Polskiej Sztuki Ludowej” dziękuje za nadesłane do kroniki materiały, a szczególnie p. mgr Barbarze Teżyckiej z MKiS, dr Ewie Fryś-Pietraszkowej z Krakowa i p. Izabelli Trojanowskiej z Gdańska.

S U M M A R I E S • P E R I O D I C

SUMMARY OF ARTICLES

Aleksandra Jacher-Tyszkowa — POLISH 19TH-CENTURY GRAPHIC ART AS A SOURCE OF STUDIES ON FOLK DRESSES

An iconographic object to become a historical document must be reliable, direct and established by personal observation, comments the author. Many illustrations discussed in the article fulfil this requirement. However, the author comes to the conclusion that even if an illustration bears evident traces of a stylistic convention of the era, or if it was created through aesthetic incentives as is the case in genre painting, it can also be of some value for an ethnographer since it may help to determine the chronology of some forms of dress. Such dress are illustrations are of the greatest value either as illustrations to ethnographic texts, separate plates, or albums of folk costumes. The people appearing in these illustrations are often characterized by accessories which show the profession or social class. An essential point is to define to what extent a dress shown is a typical one.

The illustrations were made by outstanding painters, for instance J. P. Norblin, and less skilled artists, sometimes amateurs who sent illustrations of folk dresses when an author of a book on the life of country people appealed

for them. The author of the article attaches much importance to illustrations as documents, though she stresses the necessity to compare them with other sources, especially written ones. Therefore A. Jacher-Tyszkowa proposes further studies on archive materials which might considerably broaden our knowledge of folk dresses.

The more important illustrators portraying people and their clothing since the beginning of the 19th century, when people began to collect and preserve national "tokens of remembrance", are discussed in the article. The sketches and painters sometimes borrowed models from their predecessors and changed them to a greater or lesser extent.

Jacek Olędzki — VOTIVE HYMNS

Pilgrim hymns were often regarded as votive offerings. Pilgrim literature is connected with the cult of the Virgin Mary. A variety of forms of this cult is characteristic of the religious feeling of Polish country people. An expression of this is the cult of miraculous pictures and figures. There are several such pictures and figures in a small area of the Rzeszów region. Monasteries, especially those of the Bernardines, played an essential role in the promotion of this cult.

Each place of the cult has its own legend. The legends tell about the first miraculous events which occurred between the 16th and the second half of the 18th century. The privileged who experienced the revelation were people of low social origin (poor peasants). In the archival notes and notes made when a votive offering was offered, quoted are proofs of many unusual events.

Votive offerings were made not only in silver. Sometimes they were made in a symbolic form, for example parts of body made in wax, to which a short or an arrow was attached as proof that Providence did not allow greater harm to be done to the wounded. There are very many of such votive offerings in the Chapel of Our Lady in the Bernardine Church in Rzeszów. There is also a big painting divided into one hundred sections of equal size which show one miraculous event ascribed to Our Lady of Rzeszów between 1513—1776 and provide a comment on it. Innumerable proofs corroborate the wonder-making power of the sanctuary.

The author discusses some events shown in the picture, mentions kinds of disasters, illnesses and calamities which afflicted this region. He also describes forms of requests and thanksgiving. The simplest of them was a prayer or the giving of altar wine.

Pilgrim hymns, which are discussed in another article by F. Kotula may contribute to the elucidation of the problem of how long the Polish community cherished and formulated ideas on the nature of the Virgin Mary. The author quotes and discusses new hymns about Our Lady of Leżajsk who appeared to her servant Tomasz Michalek one evening in 1752. Our Lady is called a "Virgin," a "Dawn," an intermediary between God and man.

Another hymn published in Frydek (Cieszyn Silesia) says that the Virgin Mary lived before the creation of the earth and helped God to create it.

In an atmosphere of such feeling and belief various forms of the cult of the Virgin Mary were initiated in the Rzeszów region which are not known in other parts of the country. One of such forms is a "Funeral of Our Lady" celebrated in Borek and Przeworsk during which hymns are sung about Mary's dormition, funeral and assumption.

Metal votive offerings are also discussed in the article. There are one hundred of such offerings in the aforementioned Chapel of Our Lady in the Bernardine Church in Rzeszów. These are mostly manufactured hearts, legs, and hands. The old ones, and there were thousands of them, were recast into candlesticks.

At Leżajsk, which was visited mainly by pilgrim women, votive offerings are in the form of corral necklaces, and silver crosses which were worn in the 19th century on the breast.

The article ends with a description of the picture in the Bernardine Church at Leżajsk (ill. 13) extolling the sanctuary and at the same time a suggestive and realistic portrait of five people, representatives of various social classes — a priest, a burgher, a nobleman, noble lady, and a peasant-convalescent.

Franciszek Kotula — ILLUSTRATIONS OF PILGRIM HYMNS

Pilgrim hymns were connected with rural life, church-fairs, markets, a need to experience affection and religious,

mysterious and metaphysical emotions. These hymns played an integrative role in the community. People when singing hymns about Christ's Passion and Death were deeply moved and by this act they discharged their misery, their lot.

Buying hymns illustrated with scenes of the Passion of Christ or Saints, people could have a good look at them and consoled themselves that others suffered more than they did and were rewarded after death. Singing, people felt stronger, more resistant.

Hymns, and especially the whole atmosphere of a church-fair or market, were a sort of entertainment after monotonous hard work. Prints with hymns about miracles, and revelations spurred the imagination, "novelties" played a role of to-day's mass media, informing people about, sensations and thrilling events. The singers were immediately surrounded by crowds of people who wanted to learn the melody and the text of the hymns could be purchased on the spot at a very low price.

The hymns were composed by beggars who were organized in guilds and were active in a region appointed to them. Many of them could boast of an excellent memory. Hymns which became the most popular were ordered in small print-shops and then "a delegate" picked up the ready product and divided it among the beggars.

The tradition has it that pilgrim hymns were also composed by friars and some illiterate, pious peasants.

Political, patriotic songs were not so common. They were composed by insurgents, military men, people who travelled a lot.

The printers added illustrations to the songs sometimes of any type, even if they did not refer to the content of the songs. An illustration made the print more attractive, it filled free spaces, as did ornamentation. Wood-engraving blocks and metal matrices adapted to typography were used in printing. Small print-shops sometimes bought used forms from bigger print-shops.

Illustrations were added to religious songs, in other kinds of songs illustrations appeared very rarely. The reason was that there was no time to prepare an illustration to the "novelty," apart from the fact that illustrations would rise the price of printing. The aim of the "novelty" was to appear quickly, to get ahead of the competition.

Prints were also disseminated by hucksters, who besides toys, devotional objects and various kinds of goods also sold literary trash. They were in contact with bigger and better print-shops. These print-shops acted as publishers, wholesale dealers, and hucksters distributed prints at fairs.

Printing plates were used till they were worn out and various print-shops used the same plates. The authors of these illustrations are unknown as are the authors of the hymns. They were published anonymously.

Prints sold in stalls were published in hundreds of thousands of copies, and hymns in millions of copies. However, very few copies have been preserved, as they were worn out by reading.

The prints were not collected, but there is one collection of several hundred prints published in the Rzeszów and Przemyśl regions which was collected by the author of this article, and another one collected by the museum of Rzeszów.

Further paragraphs of the article by F. Kotula are devoted to discussion of single prints and illustrations. The article is complemented with a note on old print-shops in the Rzeszów region.

РЕЗЮМЕ

Александра Яхер-Тышкова — ПОЛЬСКАЯ ГРАФИКА XIX ВЕКА — ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА

Автор статьи утверждает, что для того, чтобы иконографический источник стал историческим документом, он должен быть достоверным и непосредственным результатом собственных наблюдений. Этим условиям отвечает ряд картинок, обсуждаемых далее. Тем не менее автор отмечает, что даже тогда, когда картинка носит отчетливые следы определенного стиля данной эпохи или же является плодом эстетических побуждений, как в жанровой живописи, то и тогда она имеет значение для этнографа, давая хотя бы возможность установить хронологию появления известных форм народного костюма.

Самую большую ценность для исследователя представляют картинки, отображающие наряд либо в виде иллюстрации к этнографическим текстам, либо в виде

отдельных клише и альбомов народных костюмов. Часто реквизиты, сопутствующие изображаемому на картинках лицам, свидетельствуют об их профессии или сословной принадлежности. Существенное значение имеет установление, на сколько представленный на картине наряд типичен.

Исполнителями картин бывали известные живописцы, как, например, Я. П. Норблин, а также менее искусные и опытные рисовальщики, иногда даже просто любители, посылающие рисунки нарядов в ответ на просьбу авторов книг о жизни народа. Приписывая большое значение рисункам, как историческим документам, автор статьи в то же время утверждает необходимость сопоставлять их с другими источниками особенно с письменными. В связи с этим автор настаивает на развитии исследований архивных материалов, благодаря чему можно будет значительно расширить и углубить наши сведения о народных костюмах.

В статье говорится о более известных авторах картинок, представляющих народные типы и наряды, начала XIX в., когда стали собирать и хранить различные памятники. Рисовальщики и живописцы не раз перенимали образцы своих предшественников, видоизменяя их в большей или меньшей степени.

Яцек Олендзки — ПЕСНИ — КАК ДАРСТВЕННЫЕ ПРИНОШЕНИЯ

Песни, связанные с храмовыми праздниками, воспринимались иной раз как дары и приношения. Отчетливо выступает также связь литературы, посвященной храмовым праздникам, с культом Богоматери. Богатые формы этого культа очень характерны для религиозности польского народа. Это нашло свое выражение в том обожании, каким были окружены чудодейственные образы и фигуры. В небольшом жешовском регионе их насчитывается свыше десяти. В развитии культа большую роль сыграли монашеские ордены, в особенности орден бернардинцев.

Место каждого культа имеет свои легенды. Они повествуют о первом чуде, которое якобы случилось в данной местности между XVI в. и второй половиной XVIII в. Избранниками чудесных откровений были люди низкого сословия (убогие крестьяне). В архивных записях, а также в связи с благодарственными приношениями приводились сказания об очередных необыкновенных явлениях.

В дар приносились не только серебряные предметы, но и символические (отлитые из воска части тела). Иной раз приношения сопровождалась ружейной дробью или стрелой, которая благодаря Провидению не причинила раненому особого вреда. Исключительно много таких приношений находится в часовне Богоматери бернардинского костела в Жешове. Там находится также больших размеров картина, разделенная на сто одинаковой величины частей, причем на каждой из них представлено сопровождаемое комментарием чудесное явление, приписываемое Жешовской Богоматери на протяжении 1513—1776 гг. Неисчислимое количество доказательств подтверждает чудодейственную роль этого святилища.

Автор рассматривает некоторые события, запечатленные на картине, отмечает различные виды горестей, болезней, бедствий, чаще всего там представленных. Описывает также формы молений и приносимых благодарностей. Наиболее непосредственной была молитва за себя либо за кого нибудь другого, приношение вина на алтарь.

Песни, связанные с храмовыми праздниками, которые описывает в следующей статье Ф. Котуля, содержат в известной степени ответ на вопрос, как давняя общественность Польши воспринимала и формулировала понятие сущности Божьей Матери. Автор приводит и рассматривает новые песни о Лежайской Пресвятой Деве Марии, которая явилась на песне своему слуге Томашу Михалку в один из вечеров 1752 г. Матерь Божья определяется в песне как „Дева“, „Утренняя заря“, существо, поддерживающее связь между Богом и человеком.

Одна из песен, изданная в местности Фрыдек (Цешинская Силезия) повествует, что Матерь Божья существовала еще до сотворения мира и помогала Богу в его создании.

В пропитанной такими чувствами и убеждениями обстановке возникла в Жешовском регионе форма культа Девы Марии, неизвестная в других частях Польши. Одной из форм этого культа является отмечаемое в местностях Борек и Пшеворск „Погребение Божьей Матери“, сопровождаемое песнопениями об усении, погребении, вознесении.

Затем автор рассматривает сохранившиеся до сих пор металлические приношения. 100 экземпляров находится в вышеупомянутой часовне Божьей Матери у бернардинцев в Жешове. Это главным образом фабричного изделия сердца, руки, ноги. Старинные — их были тысячи — переплавлены на подсвечники т.п.

В Лежайске, куда главным образом паломничали деревенские женщины, дарами преимущественно были коралловые ожерелья и серебряные кресты, которые в XIX веке носили на груди.

Статья завершается описанием образа у о.о. бернардинцев в Лежайске (илл. 13), славящем это святи-

лице и отображающем впечатляющие реалистические портреты пяти исцеленных представителей различных слоев общества: духовного, мещанина, шляхтича и шляхтянки, крестьянина — выздоровевших.

Франциск Котуля — ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПЕСНЯМ, СВЯЗАННЫМ С ХРАМОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ

Песни, о которых пишет автор настоящей статьи, связаны со всем деревенским бытом, с храмовыми праздниками, ярмарками, базарами, с потребностью религиозных, таинственных, метафизических переживаний и эмоций. Песни эти объединяли общественность. Так песни о страстях и смерти господней вызвали глубокое волнение, люди словно выливали в них свою горькую судьбу и невзгоды.

Покупая иллюстрированные песни, верующие имели возможность присматриваться к сценам, отображающим страсти господни, муки святых и утешаться, что другим приходилось страдать больше чем им, а награду за это получали после смерти. Распевая песни, люди становились сильнее и более стойкими.

В то же время песни, и вся обстановка храмового праздника или ярмарки, являлись развлечением и вносили оживление в монотонный тяжелый труд. Изданные песни о чудесах и откровениях разжигали воображение, „новинки“ исполняли роль теперешних средств массовой информации, сообщая о сенсациях, о событиях, морозящих кровь в жилах. Поющих окружала толпа людей, стремящихся запомнить мотив, поскольку текст можно было купить на месте за пару грошей.

Песни слагали нищие „деды“, преимущественно объединенные в братстве и действовавшие в отведенных им районах. Многие из них обладали прекрасной памятью. Песни, пользовавшиеся особым успехом, записывали в маленьких типографиях, а потом „делегат“ брал готовый товар и делил между „дедами“.

Согласно устной традиции песни, связанные с храмовыми праздниками слагали и монахи, а иногда также грамотные набожные крестьяне.

Песни политического и патриотического характера слагались реже. Их авторами были повстанцы, военные, бывалые люди.

Печатники сами иллюстрировали песни рисунками, часто очень посредственными, иной раз совсем несогласованными с текстом. Иллюстрации делали текст более занимательным, заполняли свободные места. Ту же роль исполняли декоративные заставки. Применялись ксилографические кубки и металлические матрицы, приспособленные к выпуклой печати. Маленькие типографии покупали иногда у более крупных типографий подержанные формы.

Иллюстрировались религиозные песни, другие же чрезвычайно редко, ибо не хватало времени на выполнение рисунка к „новинке“, и кроме того значительно увеличивались бы расходы. А ведь важно было издать „новинку“ как можно скорее, опережая конкуренцию.

Тексты распространяли также лавочки, которые, наряду с игрушками, предметами культа и различного рода безделушками продавали ярмарочную литературу. Они поддерживали связь с более крупными и лучшими типографиями, которые играли роль издателей и оптовиков, а лавочки поставляли товар на базары и ярмарки.

Клише использовали в максимальной степени, порой употребляя и их в различных печатных текстах. Авторы иллюстраций точно так же, как авторы песен до сих пор неизвестны, поскольку все печаталось анонимно.

Ярмарочные тексты выходили сотнями тысяч, песни в связи с храмовыми праздниками — миллионами. Однако сохранились лишь немногие экземпляры, поскольку они были „зачитаны“ до крайности.

Текстов этих не собирали; из жешовского и пшемыского регионов осталась лишь коллекция составленная автором настоящей статьи, которая насчитывает несколько сот экземпляров, а также коллекция Жешовского музея.

Далее Ф. Котуля описывает отдельные образцы печатных текстов и иллюстраций, дополняя статью сведениями о старых типографиях Жешовского региона.

WARUNKI PRENUMERATY

Cena prenumeraty rocznej	zł. 72.—
Cena prenumeraty półrocznej	zł. 36.—

Informacji o warunkach prenumeraty udzielają urzędy pocztowe i Oddziały RSW „Prasa—Książka—Ruch”.

Prenumeratę ze zleceniem wysyłki za granicę, która jest droższa o 40% od prenumeraty krajowej, należy wpłacać na konto PKO nr 1-6-100024, RSW Prasa—Książka—Ruch”, Biuro Kolportażu Wydawnictw Zagranicznych, ul. Wronia 23, 00-840 Warszawa.

SPRZEDAŻ NUMERÓW BIEŻĄCYCH I ARCHIWALNYCH

— w Księgarni Ośrodka Rozpowszechniania Wydawnictw Naukowych PAN; sprzedaż gotówkowa i wysyłkowa numerów bieżących i archiwalnych; płatność gotówką, przelewem lub za zaliczeniem pocztowym.

Adres: ORPAN, Pałac Kultury i Nauki, 00-901 Warszawa, konto PKO nr 1-6-100312.

Orders for this periodic from abroad can be placed with RSW „Prasa—Książka—Ruch”, Biuro Kolportażu Wydawnictw Zagranicznych, ul. Wronia 23, 00-840 Warsaw, Poland or with

- Kubon und Sagner, Inhaber Otto Sagner, D8. München 34, Postfach 68, the Federal Republic of Germany
- Earls court Publications Ltd., 130 Shepherd Bush Centre, London W12, Great Britain
- Licosa Commissionaria Sansoni, Via Lamarmora 45, 50 121 Firenze, Italy.